

Ирина Крайнова

Записки из старой голубятни

Знакомый, как имя собственного ребенка, одесский вокзал с характерным шпилем встретил меня флажком Одессы – накануне город отпраздновал свой день.

Литературный уголок

Флажок мне торжественно вручили, и теперь в моем домашнем музее нет дорожке экспоната. Как я могла не приехать! Лучшая подруга тревожила звонками, море Отрады звало даже во сне бледно-зелеными, с вкраплениями мелких водорослей волнами, а вице-президент Всемирного клуба одесситов, прекрасный журналист и человек, написал кратко, но выразительно: «Пора преодолеть время и расстояние».

Билеты взяты заранее, хатку однокурсница Галя нашла в родном Приморском районе, рубли на цветные веселые гривны поменяны...

Итак, Галя и ее спортивная дочь Леся верхом на велосипеде торжественно препроводили меня в переулок Веры Инбер, утекающий к морю с моей насковзь литературной Белинского (теперь Леонтовича). На Белинского-Леонтовича стоит церковь, где крестили соавтора «романов века» Евгения Петрова, здесь жил Багрицкий, будущая жена Набокова, на Чижикова провел детство Корней Чуковский, переулочек, где росла Вера Инбер, упирается в улицу Черноморскую – а это одесский адрес Паустовского.

Сгустилась уже непроглядная южная тьма, когда мы причадили к типичному одесскому дворику – с ажурными воротами,

наружными лестницами, широкими виноградными листьями, заплетающими все окна и пристройки. Мои земляки добавили колорита своим дворам, пристроив летнюшки, мазанки, крохотные «скворешни» и отгородив их чем бог на душу положит от остального двора. В ход пошли фанера, пластик, рабица и прочая, прочая.

Моя хозяйка выгородила остов бывшей... голубятни, разделив его на две клетушки и снабдив «в шаговой доступности» туалетом с душем. Душ круглосуточный (и это в Одессе, где раньше на ночь всегда отключали воду!). Правда, блага цивилизации скрываются за колеблемой всеми нордами-вестами клеенчатой занавесочкой. И приходится «до витру» ходить, як тот Щукарь.

Мадам, мсье...

В моей части голубятни помещались стол, стул, просторная тахта с двумя целующимися лебедями на коврике в духе базарных умельцев из «Операции «Ы». За переборкой – трудно назвать ее стенкой – ходили, шептали, дышали другие постояльцы. Слышно было не только их – за открытыми окнами и дверями ходила, шептала, дышала вся ночная дворовая жизнь.

Дородные одесские красавицы под ажурным навесом из виноградных листьев пили молодое темное вино, ели вымоченные в кислом соусе мидии, соленую одесскую брынзу, белозубо улыбаясь черноглазым кавалерам. Не всегда законным мужьям, но кому какое дело? В дворике на Инбер даже собаки брехали интеллигентно, не мешая спать и – бодрствовать любителям поздних застолий. Надпись на воротах призывала к выдержке и спокойствию при открывании кодового замка.

Хозяйка Марья Андреевна, крупная одесская мадам с высоко поднятыми пышно седыми волосами, появлялась утром на капитанском мостике террасы второго этажа и с высоты шезлонга неторопливо обозревала окрестности орлиным оком. Властно вызывался из глубин домика Жан, смуглый красавец из породы «вечных мужей» (и среди красавцев они случаются), заглядывал в рот любимой жене, ждал дальнейших указаний.

Каждое утро Марья Андреевна распекала Жана за одно и то же – выкуренную тайком сигарету: «Он курит! Упал уже дома – он курит! Кто будет его поднимать? Я?!. Что он мне делает?.. Он моей смерти хочет! Курит он!..». Жан робко переминался с ноги на ногу, не смея глаз поднять. Воспользовавшись краткой паузой, рысцой бежал выкидывать мусор.

Приходила такая же холеная и пышная, с взбитыми вверх волосами дочь (копия матери в молодости), и они уже вдвоем покрикивали на беднягу Жана. Видимо, тайное курение было его единственным пороком. Вечный муж покорно шел с дочкой «делать базар», ташил с Привоза необъятные мешки с бульбой, цибулей, позабыв замкнуть калитку, за которую ему тоже влетало.

Курил мсье Жан ночью у нашего голубятника, удостоверившись, что благоверная на верхотуре уже отошла ко сну. И – ранним утром, для виду обсудив со мной метеопрогноз: «Шота хмарится, хотя не обещали».

Марья Андреевна родом из Балты, она русско-украинского происхождения, и как дитя разных кровей роскошно, избыточно красива. Прибавила когда-то годок в паспорте, чтобы только уехать в нашу южную столицу. Ее удачно пристроили в парикмахерскую в самом центре («*Девочки, парикмахеры и мясники в Одессе – лучшие профессии, туда можно было попасть тока по большому знакомству!*»), и всю жизнь Маруся стригла, брила, душила тройным одеколоном полгорода. Там и присмотрел ее Жан, шикарный брюнет, тока вернувшийся из армии. Жанина мама чуть не легла на рельсы, узнав о намерениях сына. У Маруси был ребенок от первого брака, а в ее ясных голубых очах уже тогда можно было прочесть властную силу. Тут обычно кроткий Жан взбунтовался и сказал, что сам ляжет на рельсы и еще повесится, если шо. Пылинки сдувает со своей красотки жены.

Одесские друзья

После всех попыток нас *разделить и разобщить* друзей тут не много. Зато все надежные. Моя Галка с ее осиной талией и спортивной фигурой сохранила энергию юности. И каждый

день наматывала километры, таща ко мне затейливые овощные одесские деликатесы (кухни на нашей голубятне не наблюдалось), полные рюкзаки теплых вещей (прибыла я налегке, ни о чем особенно не думая), тяжеленький ноутбук, чтобы я таки связалась со своими детками.

Зная мои проблемные колени, Галюня высчитывала и выверяла наши уличные маршруты, как хороший лоцман морские карты, лишь бы ее Ируся не делала лишних движений. Леся, отважная златовласка (Галина дочь) ходила труднодоступными горными тропами, прыгала со скалы, занималась другим экстримом. Но мама Галя... несмотря на свою девичью фигуру и белые одежды, девушка далеко уже не бальзаковского возраста!..

Мы вышли на яхте в довольно бурное море. Когда за буями катамаран «Аладдин» поднял свой благородно красивый белый-вишневый стаксель, капитан разрешил «скупнуться». При всей моей любви к купаниям на такой аттракцион – с качаемым во все стороны трапом – я не отважилась. Галя не тока легко успевала за плывущим на волнах парусником, но осталась в воде, следуя за яхтой с включенным мотором, держась за спасательный круг на длинной веревке. Я, холодея, наблюдала эту картину: подружка наглоталась соленой водички, но с дистанции не сошла, уступив лишь накачанному молодому парню. Вот таких наш одесский истфак выпускает девчонок – со знаком качества!

Леся показала недорогие уютные кафушки, и мы провели не один вечер у понравившихся нам «Двух Карлов», в привычно заплетенном виноградом одесском дворике, жуя молдавские колобки из мамалыги. Угадывая топонимику места, мы с Галей вспомнили пролетарских Карлуш – Маркса и Либкнехта. Менее политизированная Леся назвала третьего «виновника торжества» – того, что у Клары стибрил кораллы.

Обряд хождения в краеведческий музей к нашему однокурснику Игорю мы повторили с теми же подробностями, что и четыре года назад: еле-еле вызвонили его по телефону и, отвечая на незадаанные вопросы сотрудниц, представились сами. Это нас не спасло. Наша встреча с Игорьком, как и четыре года назад, происходила в маленьком внутреннем дворике музея под бюстом прежнего памятника Екатерине и – под более чем любопытными взглядами

надвигающейся на нас с метлой тетички и замедленно закрывающей ставни дэвушки. Дамский коллектив, шо тут скажешь!

Фейсбук сдружил меня со многими одесситами. Удалось перевидаться с симпатичной Наташей Дижевской, благодаря ей я попала на презентацию интересной книги во Всемирный клуб одесситов.

Получили мы приглашение и в интеллигентнейший, легендарный дом Голубовских на Большой Арнаутской. Здесь бывали все мои выдающиеся соплеменники без исключения.

Лабиринты длинных коридоров – и вот я уже в объятиях милейшей Валентины Степановны, тонкого искусствоведа, редкого знатока поэзии. И что особенно важно – мягкой, светлой души этого удивительного сплава двоих, думающих и чувствующих в унисон. Второй – это Евгений Михайлович Голубовский, дорогой наш ЕГ, главный хранитель родовой одесской памяти.

В таких домах главное место общения – кухня, большая, просторная, наполненная уютом и теплом старинных вещей. Настенные коллекционные тарелки отсылают то к роскоши ампира, то к экспрессии агитационного фарфора. В ковровой развеске комнат – вся история одесской живописи прошлого и нынешнего века. Глаз легко выхватывает из многоликости стен два портрета – русоволосой девочки с недетски серьезными глазами на фоне ананасов и бананов, не замечающей их приглушенной пышности. И – пластичную фигуру чуть наклонившегося вперед мужчины с выразительно изогнутыми бровями. Засунув руки в карманы брюк, он как будто раскачивается, погруженный в свои мысли.

Вижу те же на невозможном богатстве, подаренном хозяевами дома, – книге «Глядя с Большой Арнаутской» Евгения Голубовского и «Мама купила книгу» Валентины Голубовской.

Мы пьем китайский чай со спелой одесской «фруктой», балуемся отменным коньячком, ВС вспоминает студенческие годы в Репинском институте. На ее страничке в Фейсбуке – всегда великолепные стихи и картины.

Галинка второй раз чувствительно жмет мне ногу, пока до меня, как до того жирафа доходит: пора и честь знать. ЕГ невероятно занятый человек: руководство ВКО, редактирование газеты, литературного альманаха «Дерибасовская угол Ришельевской», предиди-

словий к бесконечным книгам коллег. Хорошо, выкроил время и написал собственную книгу с чисто одесским названием.

Евгений Михайлович награжден невероятно престижным для одессита орденом Маразли. Мы ретируемся столь быстро, что я даже не успеваю поздравить его с высокой наградой... В длинном коридоре нас настигает добрая душа ВС, щедро оделяет книгой и Галю. Спасибо, дорогие наши люди!

Привет, свободная стихия!

Каждый мой одесский день было море. С него все начиналось. Галя пыталась посачковать, но я – ни-ни! В море меня и нашли, если верить моим родителям. Сережке рассказывали, что его обнаружили в капусте, а меня – в море, чем сильно его расстраивали. «Почему Ирку в море-е-е!..» – канючил тот.

Вдали от родных берегов я представляла, как приеду в Одессу, пройду тенистыми переулками Отрады, выйду на крутой обрыв, гляну на волшебный синий простор – и «не уйду я никогда с песчаных этих берегов», пока... не позовет гудок уходящего поезда. Утро – не всегда раннее – я начинала с лестницы на Черноморской (соорудили новую, широкую – жаль, без перил да по-над пропастью), с Ланжерона, дельфинария, пару раз – с Отрады, один раз – с Аркадии. Как говорит Леся, *«добираюсь туда раз в год, шоб махнуть с досады рукой и больше туда не ездить»*.

Аркадия обстроилась пышными фонтанами и клумбами, кафе и магазинами, обзавелась шумными аттракционами. Это уже шо угодно, только не наша Аркадия, даже традиционные пальмочки высажены асимметрично, что нарушило строгую линию послевоенной аллеи, доходившую до белой балюстрады над морем. Пятачок общественного пляжа, и всегда не сильно широкий, сузился до размеров «копійки», зажатый с двух сторон частными владениями.

Но я упрямо полезла в воду – раз уж мы дошли! Волны были приличные – сильно не поплаваешь. Держась за обросшую тинной веревку, дала разбушевавшейся волне как следует меня отдубасить... Кто тут соскучился по вкусу соленой водички? *Поднимаем ручки!*

– Поднимаем ручки! – сочно выкрикивал шоколадный от загара коробейник, в десятый раз проходя мимо нас на Ланжероне, всегда почему-то в одну сторону. Другие пляжные лоточники кричали обычно одно и то же и, пересекаясь, ехидно хвалились друг другу, какая у них «богатая выручка». Веселый коробейник не унывал и умел удивительным образом превратить в уменьшительно-ласкательное весь свой товар (*кальмарчики, рапанчики, кукурузка*), особым образом расхвалить и заразительно крикнуть в финале: «Поднимаем ручки – покупаем!». Иногда не везло и ему – осень. Тогда, не опуская планку фирменного юмора, он шота хохмил про «белый порошок» с другого полушария.

Сентябрьское солнце еще не окончательно сдалось холоду, я забивалась под вышку ОСВОДа, где бесплатная тень (не так много ее на море осталось), и наблюдала, как Спасатель важно спускается вниз с черной собачкой по имени Жорик. Жорик нервно облаивал крупных домашних питомцев, выпячивая грудь в тельняшке, надетой по случаю пронизывающего веста.

Шо за мания давать четвероногим людские имена?.. Иду раз вниз с Черноморской и слышу сзади голос, похожий на Галин, с теплыми южными интонациями: «*Ира, ты не туда пошла, Ира, Ирочка!*»... Радостно оборачиваюсь и вижу приткую даму с внушительными пакетами в обеих руках. Та гонится за предводительницей бездомных кошек, которых угощает по утрам, присвоив им мое и другие имена.

Каждый день я выходила на высокий одесский берег к морю, которое пронзительно-маняще «синело за бульваром». Бульвар и моя улочка встречаются у поворота в Отраду.

Как мы спасали дельфинов

На пляже происходили с нами всякие истории. «Дельфины, смотрите, там дельфины у буйка!» – энергично прокричала не первой юности дамочка, увидев что-то в туманной дали. Присмотревшись, и мы заметили необычно широкий буй и мелькавший дельфиний хвост. Скоро уже весь Ланжерон наблюдал за игрой дельфинов. Два ныряющих хвоста появлялись и исчезали над морской равниной.

Защитница всех зверушек на свете Галя вдруг насторожилась: «Смотри, они кружат на одном месте, не отходят!». «Как будто на помощь зовут. Может, один из них запутался в веревках буйка?» – стала я строить догадки.

Мы включили свое воображение и уже тревожно наблюдали за нырянием дельфинов на одном месте. «...Или поранился. Они теперь не уйдут, надо спасать дельфинов!» – твердо сказала Галина, и мы решили идти прямо к специалистам, в дельфинарий. Да, но хорошо бы для начала глянуть на эту сценку в бинокль. Когда сильно надо, спасателей с биноклями не наблюдается – мы уже шагаем в сторону дельфинария.

Ветер свежее, я на минутку присела согреться чашечкой горячего шоколада. Пока я эгоистично им наслаждаюсь, Галя пристально следит за морем.

– Хороши бы мы были!.. – бормочет она наконец.

– В смысле?

– Та вон они, твои дельфины! – укоризненно бросает Галина.

Теперь и я вижу. Из воды, снимая на ходу ласты, поднимаются два ныряльщика с полным ящиком рапан и мидий. «Как же, поранился! – вдоволь поохотала над нами смешливая Леся. – Пора дельфинов спасать! Если б хоть приезжие были, тогда понятно, а так – коренные, в пятом колене!..» Но весь пляж наблюдал и сочувствовал «дельфиньему горю»...

Две тети Сони

Если б то была не Одесса, я б от моря вообще не отошла. Но после обеда нас ждали прямые стрелки ее нарядных улиц, богатства ее музеев, софиты ее театров, наши старые адреса и явки. Для начала прошлась по родной Белинского (то бишь Леонтовича), до старинной, еще XIX века угловой аптеки, к номеру 12 за глухими черными воротами с кодовым замком. Когда-то они стояли нараспашку, и наша дверь в подворотне легко открывалась обыкновенной копеей (как хорошо мы плохо жили!).

Дом сильно сдал за четыре года – выцвел, полинял, черепица покрывает уже не всю крышу. Вместо мусорной машины

с заливистым колокольчиком мусорщика – баки у самых ворот... Что-то еще изменилось в нашем квартале, что сильно мозолит глаза... Ну, конечно, появилась эта угловая громада, похожая на два гигантских короба, поставленных друг на друга, разрушившая патриархальную прелесть тихого уголка Старой Одессы.

Из-за новодела остановку перенесли к самому нашему дому, доставая жителей бесконечными звуками останавливающегося-трогающегося трамвая. Снесли и районный загс, где когда-то расписались мои родители.

Сочинив себе рыбный день, как в общепитовских столовых нашей молодости, мы отправились на Привоз, где скупили, похоже, все одесские деликатесы – кровяную колбаску с аппетитными жиринками, нежную мягкую брынзу, тающую от собственной сладости ореховую халву, крепенькие загорелые мидии в кислом соусе (куснула я и рапанчик, шота он мне не глянулся). *Рибку* Галя искала упорно, равнодушно обходя развалы бугристо-шипастой красавицы камбалы, смуглой стройной кефали, узких гибких змеек и прочие морские радости.

Как писал великий стилист Катаев, *«под громадными парусиновыми зонтиками и дощатыми навесами, трепеца и сверкая, лежали вываленные напоказ живые богатства Черного моря»*. А среди них – «громадная, неприступная, каменная» мадам Стороженко. Нахальная торговка, которая лихо обдирала бедного Гаврика. Теперь она «каменная и неприступная» навек. В шляпе с гнутыми всеми ветрами полями я тоже была, как ее памятник, – тетя Соня-2.

То, шо мы так долго искали, моя Галя нашла на открытом воздухе, в длинном ряду свежих рыбных богатств. Дарам моря она предпочитает малокостного днестровского толстолобика. *«Девочки, зачем вам этот вчерашний труп, погуляйте 15 минут – свежачок подойдет, сама вам разделаю!»* – улыбнулась жемчужными зубами похожая на Солоху молодуха. Хозяйка не сбрехала – толстолобик был хорош. Галя готовила его в своей большой «коммуне», явившись на Инбер ближе к ночи с судками и емкостями, разными травками и сладкими одесскими помидорками, распротранявшими нестерпимо манящие ароматы. Леся – с белым вином и шикарным тортом.

Мы задали пир на весь мир под куполом звездного неба. Декоративные Марьяндревнины бра на лестнице светили так тускло, что Лесюшка стала прилаживать пещерный фонарик. Девочки правильно запивали *рибку* прохладным белым вином, я ж делала им полный *моветон*, допивая вишневого цвета кагор (шо ж добру пропадать!), и противно шипела на них, боясь разбудить соседей по голубятне, живших дверь в дверь.

Наутро семейная пара из Никополя изрекла, шо кто хочет, тот всегда уснет, и оставшиеся четыре дня по очереди (один жаворонок, другая сова) развлекала меня рассказами о своих странствиях по городу.

Молдаванка без грима

Дом моего прадеда на Молдаванке – двухэтажный, каменный, такой симпатичный себе домик на улице Лазарева. Строитель старой Одессы, он выбился в десятники, построил дом для десятерых детей. Когда-то бабушки мне дом показывали – сразу за парком Ильича (Преображенским), на бывшей Малороссийской (Цыганской). Но я по малолетству не запомнила и нашла только благодаря лучшему одесскому краеведу Олегу Губарю (большое человеческое ему спасибо!). Он, глянув в старые домовые книги, подтвердил, что в начале XX века владельцем дома был наш прадедушка Игнатий Фролович Фролов.

От Привоза мы свернули в Преображенский парк, запаслись пирожками и двинулись в сторону Лазарева, собираясь по дороге пополдничать в тени деревьев. Тень мы встретили в изобилии, а вот скамейки... Надо пройти весь парк насквозь, чтобы случайно обнаружить на детской площадке с грязным пыльным песком пару лавок. Вырытые тут и там ямы, вывороченные деревья, пасущиеся среди них бомжи...

Что это с парком «в самом чреве Молдаванки»? Помню там качели-карусели не хуже, чем в парке Шевченко. Зона риска – или сильное желание застроить его такими же высотными халабудами, как Белинского, Инбер, Морскую? Место, кстати, для строительства самое *подходящее*: большевики разбили этот парк «на костях», на месте старого кладбища.

К тому ж, вся Молдаванка стоит на катакомбах. Шо до Приморского района, можно припомнить береговые оползни, когда целые дома, и не такие высотные, уходили в пропасть. Но вернемся к нашему дому. Улицу, названную в честь одного Лазарева – левого эсера, удачно переименовали в другого – исследователя Антарктиды.

Родовой мой домик так и остался под номером 7, он тщательно побелен, верх глухой боковой стены выдает его «ракушечное» происхождение. К нему плотно прижался дом поменьше, с похоронным бюро. Ничто не меняется под луной, и *«в уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть»*. Все ж таки приятно, что *тот дом* не наш.

Такой вот черный юмор подарила мне напоследок Молдаванка, где к прадеду приезжали грабить церемонные одесские налетчики, тот отбрил их одной, но, видно, очень босяцкой фразой. Уже большевики отобрали у Игнатия Фролова и дом, и все нажитое действительно «непосильным трудом».

Зато какой ухоженный теперь мой парк Шевченко (выросла на его аллеях и детских площадках), даже уже слишком. Обстроили старенький «Черноморец» – и не угадаешь его за пышными фасадами отелей, бизнес-залов, VIP-трибун. Проложили шоссе (парковая ж зона!), заставили новыми аттракционами и жутковатым Кинг-Конгом Луна-парк.

Кое-что из детства я нашла: старую, посеревшую от времени парковую стену (из ракушняка!), вдоль которой мы наперегонки бежали с братом к летнему кинотеатру и детской площадке. Дошел лишь фундамент читальни и круглый старообразный фонтан.

А как преобразился склон Приморского бульвара – теперь парк Стамбул! Проектировщики турки сохранили каменные барьерчики, превратив их в удобные скамейки, бережно отнеслись они и к любимому нашему месту пряток – старинному гроту, окружив его живописным фонтаном. Зеленая-зеленая трава, питьевая вода из восточного вида фонтанчика, столики, детские площадки, тренажеры... Обещают и ту сторону Потемкинской лестницы, где шумел детский парк Пионерский, облагородить.

С помощью греков – других наших средиземноморских друзей. В Одессе живут потомки греков, турков, всех народов, когда-то приглашенных герцогом Ришелье превратить засушливый безводный край в цветущий.

Сколько бы я ни слышала о нашем Дюке, всегда узнаю о нем какую-нибудь новую подробность. В моем путешествии в открытом красном вагончике милая девочка-экскурсовод сообщила, что герцог на посту градоначальника края велел высаживать горожанам столько деревьев, сколько окон выходит на улицу. И едва завидя сохнувшие прутья, стучался в дома, прося вынести стакан воды. Хозяйка простодушно выносила воду, а Дюк... поливал дерево, укоряя нерадивых. Хороша легенда!

Добро пожаловать, или...

Далее по тексту, как у Элема Климова. Мы добрались до знаменитейшей студии с парусником-символом, страстно желая попасть в ее музей. И нас пропустили! На Одесской киностудии был День открытых дверей. Мы даже увидели за металлическим ограждением снимки, где Боярского гримируют в мушкетера, Высоцкий настраивает гитару, и шота кричат в мегафоны помрежи великих киномагов эпохи. И проникли мы в киношный парк, трогательно старомодный, с афишками фильмов – золотой запас исчезнувшей страны. Ясно, как божий день, что афишек было куда больше – поклонники расхватывали на сувениры.

Хотели мы еще прогуляться на ребячьи голоса – громыло какое-то барабанное шоу детского фестиваля. Не тут-то было: молодой человек решительно преградил дорогу: «Вход по билетам». А как же День открытых дверей?! Зато погибшая была киностудия очнулась, подавала в аренду помещения, пооткрывала в бывших павильонах студии и танцклассы.

Где мы тока ни побывали с моей Галинкой-малинкой в золотые осенние денечки! На пляжах и на площадях, в музеях и парках, в недорогих кабачках и элитных театрах... Добрались и до порта. Возвращение на зеленом фуникулере не сильно меня вдохновило: ехали мы, как лошадки в стойле (в красных вагончиках

канатной дороги моего детства были хоть лавочки), под пронизывающими взглядами кондукторши – Галя забыла пенсионный билет! Но Галюня умудрилась переговорить контролершу и выйти наружу без финансовых потерь.

В мюзикомедии им. Миши Водяного (знать бы, что откроют ее прямо на моей родной улице!) мы смотрели старую добрую «Веселую вдову» с певучим и «игручим», но до крайности низко-рослым мужским составом. И это на фоне роскошных фигурных одесских красоток! На Белинского же (тьфу, с языка сорвалось – Леонтовича!) заглянули в музей современного искусства, ему отдан весь просторный двор и особняк с деревянными наверху, похожий на купеческий начала прошлого века. На Пушкинской попали в музей западного и восточного искусства, где была уникальная выставка старых фотографий. В любопытном историческом ракурсе – все одесские достопримечательности.

В домике Паустовского на Черноморской пробыли недолго. Нет незаменимых?!. Я вспомнила визит шестилетней давности, когда жив был еще основатель музея Виктор Глушаков. Моряк, влюбленный в книги писателя, 25 лет собирал все с ним связанное. Притащил во двор музея бюст никому уже не нужного лейтенанта Шмидта, мемориальную доску дома, где жил Грин. Мы шли тогда на море и заглянули в музей по дороге... Виктор Иванович два с половиной часа горячо рассказывал нам о Паустовском, а мы, две исторички, две великовозрастные дурынды, выразительно поглядывали на часы. Если бы знать, если бы знать...

А еще мы обнаружили Artclub-галерею на Отрадной. Два раза удалось попасть в замечательный одесский Театр на Чайной. Очень надеюсь, что труппа окажется живучей и в новом помещении.

Ира, шо ты рано?

Закончили мою одесскую десятидневку мы, как и начали, – ударными темпами. После моря – музей, после музея – ВКО (куда меня ни за что пускать не хотела строгая дама и предъявляла Леониду Рукману как директору, а он меня не узнавал, хотя сам же

принимал в члены клуба, – это выглядело прямо как прибытие любимого сына лейтенанта Шмидта в Старгород!). В конце концов я была «опознана» и допущена подвальчик, где увлекательно проходила презентация отличной книжки Аркадия Хасина, стармеха, писателя и журналиста – о море, о дальних странах, о морских людях.

Я смотрела на город без розовых очков и видела разваливающиеся старинные здания рядом с бережно восстановленными, и мусор на морских склонах по соседству с фешенебельными пляжами. Но и – сильную нежность к нему коренных жителей (как раз в эти дни отстаивающих уникальный Плоский дом в Воронцовском переулке), и возникшую буквально из руин Сторожевую башню, где за дело взялись реконструкторы, и вежливый тон молодых людей, охотно уступавших мне место в трамвае...

Была и на Куликовом поле, откуда когда-то папа привез меня из роддома. Читала стихи и надписи на новой Стене плача – стене XXI века. Одесса, она все помнит.

Это мой город. Где еще с такой легкостью, да на больных ногах, после моря я бы шла в музей, из музея – на презентацию, откуда в театр, а вечер заканчивала в «Гоголе-моголе» или в «Карле». И ранним утром после нескольких часов некрепкого сна в распахнутой всем ветрам голубятне легко вскакивала, едва заведев за занавеской внушительный дамский торс, слыша вместо приветствия: *«Ируся, и шо ты так рано встала?!»*.

Мы уходили на вокзал, сгибаясь под тяжестью подаренных мне книг, под аккомпанемент пленительной одесской речи: *«У тебя завтра нет английского, поняла?.. Она не поняла! Английского нет у тебя, и шо ты топчешься вокруг ранца? Нет, посмотрите на него, оно смерти моей хочет!»*...

Я провела десять счастливых дней, окунувшись с головкой в детство и юность. Я вернусь! К Маме всегда возвращаются.

Саратов

